

п о э т и ч е с к а я
с е р и я

Алексей Швабауэр

Небесные
носороги

Самара 2017

Л 51 ШВАБАУЭР Алексей

Небесные носороги: стихи. –
Самара, 2017 – 76 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Ежи Чех (Познань)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Дмитрий Веденяпин (Москва)
Света Литвак (Москва)
Александр Макаров-Кротков (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

Куратор выпуска:

Виталий Лехциер
Ирина Тартаковская

ISBN 978-5-906077-04-2

© Алексей Швабауэр, 2017
© Цирк Олимп+TV, 2017

Путём метаморфоз: новый поэт Алексей Швабауэр

В 2013 году, кажется, ранней осенью, у меня звонил телефон. Звонивший представился Алексеем Швабауэром, сказал, что пишет стихи и ему порекомендовали обратиться ко мне как к толковому редактору, чтобы я стихи прочитал и сказал, что я по этому поводу думаю. Я ответил, что за редактуру беру либо борзыми щенками, либо виски. Сошлись на виски.

Через несколько дней Алексей пришёл ко мне домой с бутылкой одиннадцатилетнего скотча, который мы приговорили под чтение вслух и анализ стихов Геннадия Алексеева, Яна Сагуновского, Всеволода Некрасова, Андрея Сен-Сенькова, Сергея Тимофеева, Сергея Завьялова, Андрея Василевского и ещё доброго десятка поэтов. Что касается стихов Алексея, которые он принёс (как потом выяснилось – старых), мне они показались слишком вторичными, о чём я ему и сказал (несколько опасаясь, поскольку поэт оказался почти в два раза крупнее критика). На том и распрощались.

А через две недели Алексей прислал мне на электронную почту цикл стихотворений. Прозрачный, ёмкий, почти лишённый метафор и при этом заставляющий глубоко и ровно дышать. Я чуть не расплакался от счастья, что читаю это первым. И за прошедшие четыре года это чувство не раз повторялось.

Алексей Швабауэр – тот достаточно редкий случай, когда поэт, мелькнувший в юности и замолчавший на десять лет, возвращается. Возвращается и находит своё дыхание. В начале 2000-х он, как и добрая половина что-то представлявших из себя алматинских авторов, тусовался в кругу редакции журнала «Аполлинарий», даже работал в ней. Была пара публикаций, судьбу которых отследить сейчас не представляется возможным, а потом – долгое молчание и минимальные контакты с поэтической средой. Затем – возвращение.

В 2014 году у Алексея вышла первая самиздатовская книга – «По праву родства». Затем ещё несколько самиздатовских сборников, точное число которых я затрудняюсь назвать (только первая была с тремя разными названиями и в трёх цветах обложки). Я не случайно

об этом упоминаю, поскольку есть ощущение, что для него каждый такой сборник – как для змея сброшенная кожа, сброшенная формальная оболочка, за которой следует новый этап и появляется новый поэт Алексей Швабауэр.

От фотографической оптики, основанной на принципе макросъёмки и заданной в первой книге, он уходит к текстам, построенным на диалогах, в которых невозможна однозначная атрибуция субъектов речи; от вполне определённого лирического «я» в первой книге – к «я-в-поисках-самоидентификации»; от работы с существующим мифом – к мифотворчеству – и всё это естественно, как дыхание.

«Небесные носороги» вместили в себя почти все лирические ипостаси Алексея Швабауэра. И – прекрасный парадокс – будучи собранными вместе, они не противоречат друг другу, не выглядят неестественными рядом. Реальные и фантазийные говорящие в этой книге складываются в новое «я», в котором есть всё и все. Это немного шизофренично, но в общем нашем шизофреническом мире, в котором мы в каждой ситуации выбираем себе иную роль (слесарь, муж, жена, поэт, актриса, сотрудник жэка, я-так-мимо-крокодил) – именно это захватывает и увлекает.

С «Носорогами» читателю предстоит пройти ряд метаморфоз – от продавца астроблинов до фармацевтика из Вологды, и, возможно, в итоге также сбросить кожу, как это делает поэт Швабауэр. Стать новым.

*Павел Банников
Алма-Ата*

*

агрессивный маркетинг
суши бара
меня не устроил,

я пригласил журналистов
написать об этом

явились какие-то
трое со стройки

с бочонком краски
и строительным пистолетом

я позвонил в кабинет министра –

прямое соединение обещала
на двери входной группы
листовка с доставкой пиццы,

за поеданием которой
курьер наблюдает отдельно,

но предварительно
интересуется, во сколько

это ему встанет,

и, если цена вопроса
не устраивает,

[запросили много]

разворачивается на полпути
и говорит: убер

я позвонил
в узбекский плов,

но его в покер

проиграли
в прошлом году,

а ошпаз на дуэли был ранен
и умер

и с тех пор все грустят
и сидят возле телефонной трубки

и, когда раздаётся звонок,
говорят: мама,

но ни слова не может
разобрать смурфик,

отправляющий
рождественские
Санта-Клаусу
телеграммы

*

– к расположению змей на газоне
никаких претензий, –

сказал, подбоченьсь,
корнет с охапкой гортензий

позирующий на фоне аэровокзала

среди таксистов,
как ты и сказала,

не езжай, оставайся дома,
но не доглядела,

и теперь я, отравленный,
с целой

охапкой цветов из растрёпанного букета

отойду в мир иной на крепких руках
таксиста,

первым рискнувшего подойти,
пока я казался ему издали таким живым,

но так ли это,

выяснит при ближайшем рассмотрении
на месте

*

– сначала хорошую новость,
потом плохую:
какую из них вы хотите
услышать первой?

– я плавал с дельфином
и он победил барракуду,
а что было дальше?

– давайте сейчас не об этом...

– что стало с Данюшей?

– какие далёкие звезды!
звоночки прощаний с любимыми,
поздних прощаний...

– вернёмся к вопросу!

– и песни всенощные пёсьи,
с которыми ждёшь до зари
корабли у причала...

– что стало с любимым?
сейчас я возьму парабеллум!

и, как вариант:
прямо здесь я вас
и расстреляю!

какие две новости?
к сути!

– ах, ах, вы об этом!

но я здесь
не более, чем
продавец
астролябий...

*

как уездную
барышню
города,

названного в честь

незаконнорождённого
сына Ктулху,

[короче,
не вспомнит никто –
ни ворона, ни выпь]

привлекли
за обсценную
речь

режиссёры,
снимающие
порно

на знаменитых набережных
города
[масло масляное]
Челны

барышня размахивает
умирающим дилдо
в испуге,

голуби
покатываются
по крышам,

фонтан в пруду,

будучи уверен в том,
что он здесь
Стравинский,

говорит:
приступим

к празднованию
ежегодного
вашего
пупуиду

*

больше, чем требуется стеблей
растений

для обозначения
одного из усилий ветра –

обнаружили
пианино
в дожде

возле агентства недвижимости

по продаже
ненужных

влажных салфеток,
как лодок
дырявых –

расстроенное,
но прекрасное:

разбухшие молоточки
лишены своего веса
по прошествии лет,

но нет –

звуки
слышны
как прежде

и:

что-то
помимо того,
что выше

усилий

*

теперь я симпатичный
раздавшийся в ширину
мужчина,
переживший взлёт продаж
Электроники
и упадок порнографических карт –
копящие небо дроны
впервые в жизни
не раздражают
своим присутствием

мы изучаем
пути их миграции
птиц запретили годом ранее
птицы – источник заразы
разносимые птицами новости
негативным образом
сказывались на формировании
информационного поля –
некоторые из нас
уже умерли
от инфекции, прозванной за глаза белым
шумом:
когда из клюва
преодолевшей границу горлицы
разносилось страшное шипение,
воссозданное вживлённым в её зоб чипом,
а у дрона изъятый на границе чип
просто и без проблем
заменялся новым
– и всё сразу становилось понятным, –
объясняет педагог,
в данный момент

изымающий такой чип
для обоснования параграфа учебника
в новой школьной дисциплине под названием:
«... и другие виды облаков»
сейчас он вызовет меня к доске
и коляску со мной
чья-нибудь добрая рука
выкатит на середину класса,
а для возможности ответа
мне прикрутят
в область поясничного сплетения
похожее на жернов
мини-мельницы
модное дыхательное колесо

*

новое увлечение для меня —
экстремальная узбекская музыка

смешно называть её экстремальной,
тем более считать узбекской,

но только так
мне удастся сохранить спокойствие

при спорах с коллегой-узбеком
на политические темы,

когда я киваю ему из-под наушников,
воображая, что в них звучит
экстремальная узбекская музыка, —

это меня веселит

не музыка — нойз
на краю циркуляции бензопилы

проснёшься в деревне
в прохладное утро,

а кофейку испить не мешало бы,
но брёвна не колоты,

тогда и приходит на помощь бензопила,

её звуки

скрашивают

утро
одинокого человека

и, хотя:
удержание вибрирующего инструмента
продолжительностью более часа
сильно нагружает руки
и чрезвычайно неблагоприятно
сказывается на суставах и кровообращении, —

для приготовления кружечки кофе
не так и много

чурочек
требуется в итоге...

вес пятнадцати гружённых доверху
грузовиков
в моей голове
не отменяет лёгкости,
с которой
я прослушиваю экстремальную
тему заново

в здании с большим мезонином,
в кабинете со светлыми рамами,

и, в ответ на приглашение коллеги
отобедать,
молча киваю

и протягиваю ему степлер

*

фильм начинается спойлером:
стареющие бодибилдеры,
размороженные
посланным по последней линии
связи прошлого с настоящим
сигналом с корейского смартфона
мочат друг друга
в криогенных камерах

иногда
из наэлектризованных
спецэффектами
начала девяностых порталов
вываливаются молодые
бодибилдеры,
но превосходство старой школы
торжествует и здесь,

пока
порывающаяся несколько раз
во время сеанса
выбраться на улицу
молодая мама
не припадает наконец к моему плечу:

это лучше
гонок по бездорожью,
но сюда
больше ни ногой...

а мне что,
мне ничего большего сейчас
и не нужно...

*

я бы снял фильм о чёрном пикселе

в сценарии
обязательно была бы прописана
девочка,
которая обнаруживает на планшете
битый пиксель
и, чем дольше
пытается затереть его пальцем девочка,
тем больше
становится сам пиксель,
пока, наконец,
раздвинутые обоими пальцами
двери восприятия
не поглощают
прекрасное создание...

*в своей знаменитой работе
психиатр
так описывал
чёрные ладошки
просыпающихся
на утро детей...*

*

женщина, удалившая книги
с популярного ресурса,
не ожидала
такой реакции
пользователей

некоторые
требовали вернуть книги
обратно

день спустя
была составлена петиция,
под которой подписались
тысячи человек

на счёт
женщины
начали приходили деньги
от пользователей
стихийно возникшего
общества
по возвращению
литературы
в массы

самые большие
суммы –
от читательниц,
жаждущих
продолжения
нашумевших бестселлеров:

о старших сёстрах сверху
и о соседях снизу,
о слесарях и участковых,
о владельцах публичного дома
и психиатрах на рынке,
о водителях такси
и раскрывшей убийство порноактрисе,
задушенной впоследствии
с особой жестокостью,
о ветеринаре
сделавшемся солистом
гастролирующей группы
и о Паше-инструкторе,
хореографе безруком –

последний рассказ
набрал
наибольшее количество
лайков
несмотря на то,
что реакция
писательницы
осталась
неизвестной,

до сих пор
для всех нас
покрыты мраком
мнения
литературных
негров

*

египетского студента осудили
за подрисованные президенту
ушки Микки-Мауса,

заказавшая убийство мужа
карагандинка
вытребовала у киллера
ухо жертвы –

в месте,
противоположном тому,
в котором убывает,
бабочка
взмахивает крыльями

и плохо смонтированные
операторами
куски киноплёнки
не сходятся
ни в одном месте
на штанах
бесполезно пытающегося
похудеть
с утренних новостей
телевизора

*

там, где

не приращивая
смога
многостаночного

[словно

атласными
обложками
при раздаче
в покере]

наконец-то

[азартно]

врезаются
в горы

дороги,

сколько тепла
от пения соколов
на верхах!

сколько
гимнов
солнечной
активности,

выслушанных

там же!

когда меня не спрашивают
о времени –

о гигантских
гвоздях
на запястье,

звнящих
в минуты угрозы
собственной безопасности,

я стою молча,
и только

известная моя
торопливость

не позволяет
превратиться в то,
что сокрыто,

уподобиться той,
чьё терпение

совершенно

*

моя мама была негром
о да моя мама была негром
она не читала законов

она говорила:
всё равно
обо мне в них ни строчки

она говорила:
я вскормила их всех
своим молоком,

не способны они на плохое!

моя мама разговаривала на суахили
и производила столько молока,
что предлагала его
всем встречным,
не понимающим на суахили

другого языка для неё не существовало

она говорила:
скоро весь мир
распробует моё молоко

и станет
понимать друг друга на суахили –

на сладкой музыке пальм
в прохладе леса

и даже животных
вскармливала моя мама

каждую ночь она выходила с голой грудью
и небесные носороги
трубили
её приближение

и коршун терял свою силу
при встрече с полёвками,
которым моя мама
отцеживала своё молоко –

она была
мудрым человеком

но теперь, когда она расправила крылья
и полетела вослед
велосипедному змею,

пламя из наших рук
перекинулось на наши
пальмы

и лепет бивней
слышен в наших ушах

где-то там
до сих пор бродит она
по небесным судам Сомали –

каждую ночь
я вижу через солому крыши

её постоянно
перемещающиеся по небу
звёзды

*

каждая девушка
должна уметь уворачиваться
от попыток

поймать ей такси

мужчиной,
только что познакомившимся
с ней в баре

на этот случай

у неё в ридикюле
должна находиться

расчёска
или баллончик
с несмываемой краской,

но современные девушки
не носят с собой
ридикюлей –

в лучшем случае
это рюкзак
с макбуком,

так,

если в поле
зрения
девушки

долгое время
не попадает
ни одного
таксиста,

можно
попробовать
показать
мужчине

фотографии
с последнего
отдыха,

а не размахивать
перед его лицом
расчёской,

пробуя
уложить волосы,

а разукрашивать
бетонные заборы
в два часа ночи –

тем более
не комильфо

*

а дворник сказал,
чтобы взяли в кино –

устроился
в кинотеатр

кассиром,

а листья
мести
за окном

заставили,
это красиво –

когда,
обилечив
вечерний сеанс,

встречаешь
в потоках
осенних

[людских]

ту единственную,
контрданс

с которой
один
из последних...

*

когда я был маленьким
и всё было маленьким
и Чёрное море
казалось мне маленьким
морем,

я топил корабли,

я сбивал их торпедами
в вёках полуоткрытых,

упёршись пружинистыми
кулаками

в аппарат
бесконечного
неба —

в двух-трёх
зазевавшихся чаек,

а после
кричал:
наконец!

восемь из десяти!

и ракушки
вскипали в песке...

это только теперь,

когда чёрное стало
разрушительным,
сильным,
большим

и торпед
не отыщешь,
точней —

они рисинки
в ручках
с отломанными
наконечниками,

повторение
свиста
не свойственно больше тебе,

и про это
забудь...

*

Гу-Сы
и Сы-Чжеу

завершили цикл
пребывания
у старух

по превращению
соуса соевого
в пастилу —

любимого лакомства
школьницы
из Чжэцзяна

у Сы-Чжеу
получается
вкусная пастила,

а у Гу-Сы
наставница
умерла,

и с тех пор
непорочная Джи

у Сы-Чжеу
гостит постоянно

наяривает
пастилу
по самые усы

тучный
Сы-Чжеу,

завидный,
в отличие от
Гу-Сы,

когда утром,
пробравшись к нему
без единого
слова,

грациозно
ныряет под простыни
чистая Джи,

и тяжёлый
Сы-Чжеу

над ступней её
детской
дрожит

и всегда
начинает
с большого...

Простой приём

ты останавливаешься возле блокпоста

ты фотографируешь меня
на плёночный аппарат,
провоцируя пограничника
вмешаться,

и всё бы ничего,

если бы это были наши горы,
но таких гор

я не встречал ни на одной открытке,
которую без опасений
мог бы отправить маме
с подписью:

«с нами все благополучно»,

соответствующей
темнеющим фигурам
у перевала

на обратной её стороне

и дрожащий почерк
ничем бы не выдавал
отсутствие средств

на покупку пледа

[на вершине —

прохладно]

но этот пограничник
смотрит слишком пристально,

он, кажется, не знает,
что я видел фильм,

в котором на том же самом месте
двумя днями ранее

он отпустил восвояси
точно такую же парочку,

несмотря на то,
что девушка вела себя
более
чем подозрительно...

*

– останков на дороге не увидите,
мазаров нет,
только
бесконечная вереница деревьев

– а за что мы тогда заплатили?
возмущается группа туристов
у жидкого водителя,
наполняющего сообщающиеся сосуды:
транспорта – с трассой,

– без меня вы и этого бы не увидели, –
а сам

заглядывает в коробочку
для чаевых
в ожидании оных

но там – пепел

можно забыть на сезон
о женщине
с губами Фионы

Эпл

[в клипе про криминал
прошлым летом увидел,
с тех пор и откладывал]

такие
дадут отложить,

бледнолицые
с одинаковыми именами,
похожими на имена с табличек
на кладбищах
или на клички собак

всё забирают с собой,
даже свою нерастрченную
бледнолицесть

скорей бы
за линией горизонта
показался отель

с прозрачной крышей,

похожей на взрыв
тоника в бокале
с джином,

на кромку которого
ни один

бармен

не нанижет для вас
вишенку...

*

максимально укороченные
последней стиркой шторы
плохо сидели

на гардинах

– какая пошлость, – подумалось мне, –
в очередной раз плохо отзываться о шторах,
когда
правильным было бы сейчас
написать хорошо о дожде

и ещё

о том, как в подобную засуху

верещат моторчики
лодочки игрушечных гандольеров
в телефонных будках

– выгляни в окно, –

встрепенулось что-то внутри меня,
и вспомнилась коллега,

не раз поливающая
расставленные на подоконнике
цветы

и я,

долгое время
глазеющий на неё

и не представляющий,

каким бы счастливым человеком
мог оказаться,

если бы до последнего момента
во мне
что-то отчаянно
не сопротивлялось

*

однажды я представил,
что вместо неё на мне
текст
и рассмеялся
– над чем ты смеёшься? –
спросила меня первая строчка,
у которой уже были её волосы
– я смеюсь над тем,
что на миг
вообразил вместо тебя
женщину
и от этого мне сделалось смешно
– так не бывает, –
возразила мне её же губами
вторая строчка
– так не бывает, –
шеей выгнулась третья
и мне
сделалось страшно,
что они позволили ощутить
разбитым в глубоком детстве носом
каждую капельку пота
кончающей женщины
слова двигались,
как в пятнашках,
некоторые из них
хотелось поменять местами
– так не бывает, –
сказал я себе
и вышел на балкон...

если бы курение успокаивало,
я бы выдумал
самую длинную в мире сигарету,
конец которой
на обратной стороне улицы
обязательно кто-нибудь
подкурил бы с балкона –
кто-то,
догадавшийся первым
поставить чайник...

39

*

отпусти меня и я к тебе вернусь,
прямо вот сейчас и отпусти,
до следующего
свидания, говорю я тебе,
отойди с моего носка,
небесный
кондуктор протрубил прибытие
звездолёта на площадку
небоскрёба,
о шпиль с сигнальными огоньками которого
не раз задевал крылом
штурман прошлогоднего звездолёта,
пока его не заменили
новым,
более ответственным,
найденным по объявлению
о наборе сотрудников
в перспективную быстроразвивающуюся компанию
и, если
несколько десятилетий назад
такowymi повсеместно оказывались конторы
по сетевому маркетингу,

теперь
это мегаглобалистские корпорации
с семейным ведением бизнеса
по доставке клиентов
к местам требуемых назначений,
что, некоторым образом, странно,
никто ничего не производит,
но все куда-то спешат,
возможно, в слезах расставаний
и скором ожидании встреч

и кроется частая причина
перелётов –
начать жизнь заново
со старым
возлюбленным
по возвращении
на землю,
вот и я
говорю тебе:
отойди с моего крыла,
сил у меня осталось только на то,
чтобы обнять тебя в последний раз
и – в путь

*

невесёлая Ольга
часто попадалась на мои глаза в инстаграме,
и я начинал подозревать
дефицит внимания,
связанный с чёрными точками

[так было отмечено в её профиле],

всю ночь
я представлял плачущую Ольгу,
колдующую с ватными дисками, чтобы поутру
застать её с широко подведёнными глазами
в назойливых историях
вверху экрана,

[в инверсии Ольгины портреты
напоминали мне россыпь звёзд,
отвлекающих внимание
от неба,
где планирующие парашютисты
хотели бы заказать для неё:
я тоже когда-то был самоубийцей...]

и откуда мне было знать, что это только продажники...

*

не среагировал
на дезертирство цапель в пруду
орнитолог

смотри!
крыло у меня тяжёлое!

силой хтонической
пропитанное,

подземными соками
взращенное,

где
сориентироваться тебе
на местах,

там
с удручающей птицей
вынырываю
в сумерках,

среди чугунных
как скатерть земли
облаков

раскаиваясь тушканчиком
невыносимым...

*

– слишком много
белок под окнами, –
говоришь, –

накорми их
обедом

белки
мстительны,
а у нас малыш, –

и щекочешь меня
сухой вербой
при этом

хорошо, я встану,
возьму пирог,

а потом,
забывшись
над кофемолкой,

уплыву на одной
из тех Приор...

– ... из пирог, –
поправляешь, –
но ненадолго...

*

патриарх
приходит в парк

и встречается
ранним утром

тех, кто лечит здесь
трипак,

прижимаясь грудью
к дубу,

как вдруг
от ближайшей липы,

медальончики
которой красиво
смотрятся на груди

не у одних по весне
вакханок с Гаити

отделяются
нимфы-дриады

и каждую просит он:
удиви

и одна удивляет:
под ручку берёт
патриарха,

вызывая завистливый взгляд
у сторонников ЗОЖ,

и уводит
под you want it darker
из светлого парка

на проспект
с бесконечною пробкой
в неистовый
дождь

*

в окошке
сказали,
я лох –

на мне начался перерыв,

муниципальное учреждение,
а такое себе
позволяют,

а у меня с собой
настоящий плодовоовощной
пирог,

и теперь придётся его в арык,

или в блек-джек,
и там уже употребить
с друзьями

поставлю пирог
во главу стола,

и, пальцами,
от разламывания начинки
липкими,

буду
раскидывать карты,
иногда вставать

для пополнения
бара

дешёвыми
и дорогими
напитками

*

Константин
читает текст

не газетную передовицу,

не сноски стихов
на поэтов из Энска–

кровавые зайчики
верхом на ослице

в глазах
Валаама,

вчитывающегося в сценарий
о славной

жизни
и не менее достойной

смерти
продюсера Эрнста

неисследованный район,
окружающие не рады,

но что-то
внутри него
сигналы усиленно
передаёт,

а это, оказывается,
маленькая такая коробочка:

славных имён генератор

*

я пьян и одиноко,
а что главнее?

пьянство
или прохладные ночи?

некому откопать Офелию –

крылья сбитой птицы
при жизни
её не грели,

и портфеля
Рокфеллера

не хватает ей
на веночек...

примерно так
я ответил парням
с района,

попытавшись
отжать у меня
смартфончик

*

не по тяжёлому
надгробию,

не по холму,
где гладь и тишь,

а по той,
что исполнил Донован,
запомнят мои похороны:

не то
Catch the wind,

не то
Sealed with a kiss

– я буду посылать
каждый день приветы,

и с огнём на устах
разлуку мы
переживём,

ах, с таким успехом
я мог бы попробовать
поймать ветер,

и, поймав,
уже не отпускать
нипочём

*

приставал
к продавцам
на рынке:

дайте мне отвёртку,
дайте,
а то умру!

предлагали
набор инструментов
в корзинке,

а зачем мне набор,
можно выбрать
одну?

ту единственную,
что разгонит над городом тучу,

пока один господин,
не знаю каких кровей,

укоризненно не покачал головой
и не протянул наилучшую

с ломтиком апельсина
на кромке стакана

отвёртку
в жизни моей

*

учёные в шоке!
и представляешь
уставившихся в мониторы учёных,
лепечущих:
мы в шоке,
передайте другим
учёным,
которые ещё не видели,
ЧТО ЖЕ
ОБНАРУЖИЛИ АМЕРИКАНЦЫ
НА ДНЕ ОКЕАНА!

указание страны при этом неважно,
шок – понятие интернациональное,
и учёный, столкнувшийся с неизвестным,
выбегает из лаборатории,
телеграфировать срочной депешей
коллегам, не помня,
что телеграф давно отменён,
*[в состоянии шока
отдаем ли мы отчёт своим
поступкам]*,
чтобы не один он мучился,
и только
после признания оплошности
нашаривает в кармане последнюю разменную монету –
позвонить

и в далёком,
не имеющем собственного топонима, посёлке
такого же учёного
сносит, буквально, с валенок
новость о том,
ЧТО ЖЕ ОБНАРУЖИЛИ УЧЁНЫЕ
НА ДНЕ ОКЕАНА!

так разрастается сеть невежества,
в лучшие времена
образованная теорией семи
рукопожатий,
о которой нам в своё время
поведала кинодрама Ёлки

*

я дауншифтер
в панцире
хлопчатобумажном –

железный отобрали звери

неплохо ещё,
говорят, отделался,

железным-то
панцирем,

а могли бы и жизнь забрать,
и это оказалось бы в разы
хуже,

а так – панцирь,
подумаешь,

я и в хлопчатобумажном
доковыляю до первого
поселения...

я – ронин

и я промотал
панцирь своего
хозяина

я, пожалуй,
не выберусь к поселению,

а затаюсь
где-нибудь
в лесу,

но опять же –
звери

ладно бы,
те же,
а то вдруг – другие,

ещё спросят
за хлопчатобумажный

пожалуй, всё-таки
лучше
к людям

а панцирь...
а что панцирь?

мало ли,
что могло
приключиться в пути?

я кто?

фармазонщик
из Вологды

точно
я – фармазонщик
из Вологды

*

...и розовыми фламинго,
игнорирующими нас
на первом уровне восприятия,

не были классом мы удовлетворены
у вольера,

но как шепнула школьная учительница
на ушко своему приятелю:

не одним нам в этом мире всё фиолетово...

*

обидные кличи
привели нас к поражению
при взятии крепости

*Господи,
помоги нам взять наше оружие:
острые слова,
злые глаза,
обидные языки,
шумное высокомерие,
едкий смехок*

ну, ничего,
в следующий раз
у наших воинов
будут
новые победные
кличи,

будем брать

ваши удивительные замки,
крепости и дворцы

*Господи, дай твой мир
в наш язык,
в наш взгляд,
в наши руки и ноги,
в наш разум,
в наше воображение,
в наше сердце*

*

с тюльпанами у замка
постоим

понурияем
с крылатых мельниц

пива
купим в Брюсселе

закусим шоколадкой
швейцарской

выйдем из отеля
навеселе

и – в родное село,

в богоспасаемое
болотце...

в Бельгию мы отвезём
пиво

в Швейцарию –
сорта сыра

мельницы
оставим
малым голландцам

глядишь –
и у нас

и реки пива,
и крылья мельниц,

и в остренких зубках
поросят молочных

сорта сыра

*

объявлен длинный список миражей

и у входа
в великую пустошь
боги

забирают самое ценное у людей

и пересаживают тех
на багги

смешно
по пустыне несёмся

делают ставки:

вот кнопочка для катапульты
и ключик к ней
с цепочкой длинной,

а, если успеете
проскочить взрывающиеся
бензозаправки:

Песняры
или Сябры
на выбор

*

утром в палатку
заглядывал гризли,

заслонил собой панораму

– не желаете ягодок?
но не так быстро
я расстанусь с лукошком для вас,
однако

спляшите –
вот с барбарисом
ириски,

пляшем толпой,
а куда нам?

виски закончилось,
грузному гризли

скучно
в лесах
под Канадой

*

для ног
тоже требуется
маленькая хитрость:

профессиональные ботинки,
названные в честь

впервые посетившего челюстно-лицевую
Стинга,

на пороге
семидесятилетия
всё ещё умудряющегося
увлекать поэтесс

наколенники
накладные

для купившего скейтборд
на свой сорокет:

хитрость
она не имеет
возраста,

хитрость –

это вам

не Трое в постели
и не Уотергейт

*

выйдешь из здания
и повстречает тебя кто-нибудь из прошлой жизни:
полагал не узнаю?

и зашевелятся
шестицилиндровые
морщинки,

укомплектованные
беспамятства
клапанами

и в безоблачный
день

почему-то
захочется
к маме...

*

нахожу в меню колено

– дайте колено!

– колено подается
в соусе
из свежерастопленного
гематогена,

способствующего
раскрытию
вкуса

и улучшающего
пищеварение,

как пишут
эсэмэмщики
с первого курса,

варьируя

дополнительные ингредиенты
под настроение

*

Том Йорк
не хочет есть
том ям

под
non, je ne regrette rien –

когда,
на гром похожий,

вовсю фальшивит
Линдеман,

уж лучше
заказать
лагман,

свернув
с обочины
в шалман,

хоть сервис
там похуже

*

мы не можем сохранить
текст в формате PDF,

говорит мне проводник,
проводник-пенсионер:

наш поезд ушёл
и мы добираемся
на старом,

у которого
паровой двигатель
в форме котла,

мы не можем сохранить
файл,
на то нет знаний,

и, конечно,
дрезина
у нас ещё та

*

долгое время
ко мне приходила
женщина с водоканала,

я не открывал,

мне казалось –
я один её видел,

но соседка ещё здоровалась,

с тех пор мы
спились с соседкой,

и какой-то
мужчина пил с нами,

утверждавший,
что однажды
и он поздоровался

с женщиной,

приходившей
снимать показания
со счётчика,

но сегодня
я открыл ей дверь
нагишом

и с порога

она прошла

как ни в чём
не бывало

в синих бахилах,
одетых
наскоро

на домашние
туфли,

походкой горничной,
вынужденной
ухаживать за кошками,

когда
никого не осталось –

и на её лице
не промелькнуло
ни тени
смущения

*

позвонили
в дверь,
спросили: с какого района?

лет двадцать назад бы ответил,
а сейчас
отделался неопределённым:

– я капитан
дальнего плавания,
и уже отправляюсь
в рейс,

видите,
в куртке стою
и в унтах,

а, если вы думаете,
что я всё ещё здесь,

так это всё происки
хеленуктов!

в диссидентских движениях
я не эксперт,

но могу,
если надобно,
с Южного полюса

передать
для всех ваших
привет

или
кого вы там
ожидаете в гости

66

*

гугл отказался переводить
заготовленную заранее фразу

– это способно задеть
чьи-нибудь чувства, –
вылезло сообщение
в окошке, –

что в цифровую эпоху
с её деанонимизацией
может окажется для вас
чреватым!

я кричал:
ты просто машина!
не смей перечить!

фраза, выдернутая из моего языка,
не содержит
негативного оттенка!

и только после этого
внутри неё что-то задымилось
и на свет

выползли
подобия букв

и, вместо
неловкости
от машинного перевода,

счастье впервые
я испытал –

как будто
после долгого
разглядывания радуги

начал заново

различать
оттенки

*

отключили свет

ну вот, спасибо,
ну вот, и
слава богу!

пашем с утра до ночи,
не видим света

зачем нам свет,

толковые
дщери

соорудили нам
лампы,

воспламеняющиеся
от нашего
пота

*

– только белые люди
наследуют
Царство Божие, –

говорил мне дед,
проведший
тридцать лет
в подвале конторы
по распилу листов ПВХ

его кожа
была белая,
даже зрачки были белесыми,
мутноватыми и словно
невидящими

каждый раз я вёлся на это,
думая, что тот умер,
пока дед
радостно не соскакивал с кресла:
саечку!

с тех пор я вырос
многому научился
понял, что не во всех вопросах
старик оказывался прав
сейчас я продолжаю его дело:
распиливаю при полном отсутствии солнечного света
листы ПВХ

и единственная
согревающая меня мысль
заключается
в наследовании
Царства Божия

*

брандмауэр Лёша
отрубил мне доступ
к сайтам по литературе,
я думал, в этом виновны
люди, что наверху,
но брандмауэр Лёша
мне выдал:
– эй, приятель!
а не засиделся ли ты дома?
настала пора задуматься и о работе,
и не вздумай переустанавливать систему,
я ведусь на все имена
из учебника Поэзия –
меня будет
сложно остановить!

брандмауэр Лёша,
такое недружелюбное существо,
доброжелательное
в первый месяц,
насупившееся
в последующие,
вообще несносное,
брандмауэр Лёша

*

цивильно и уютно,
посмотри –

собака не рычит,
на углях, все
подставив под мангалы
кирпичи,

готовят мясо
из животных судеб

– мангал санна вех!
цгог юса кхузар!
хьонк ба без ахь!

я видимо
отсюда

пойду туда,
куда он показал,

маршрутки ходят –
там
проголосую...

*

куда б не вывела кривая,
бери одну с собою книгу
или пластинку «Аш Давая»,
чтобы гонять её по кругу

и не грусти, тая интригу,
зачем тебе винил на остров,
возьми, гонять его, подругу,
нет, лучше книгу

т.е. рецепты мультиварки
с обложкой в пухлом пэдэффе,
аквариум великоватый,
в котором плавают креветки,

а ветерок великолепный
потворствует гонять по кругу,
возлюбленные спят в кроватке,
но любишь ты их не за это

*

некоторые люди
во фразах:

а помнишь, когда-то...

в качестве ориентира
используют упоминание объектов заднего
плана,

и, если таковым
оказалась степь,

в ход идёт всё,
чем на данный момент располагал кадр:

беркут,
перекасти-поле...

и поднятая зажигалка
протоколирует вертикаль

бесконечно выныривающим
как бы ниоткуда
и пропадающим
светом,

и, более того,
в геолокацию твою
вникать

спускается северная звезда,
даже, если у них там спать легли
или только

к ужину расстелили скатерть...

Содержание

Путём метаморфоз: новый поэт Алексей Швабауэр <i>Павел Банников</i>	5
агрессивный маркетинг...	7
– к расположению змей на газоне...	9
– сначала хорошую новость...	10
как уездную...	11
больше, чем требуется стеблей...	13
теперь я симпатичный...	14
новое увлечение для меня...	16
фильм начинается спойлером...	18
я бы снял фильм о чёрном пикселе...	19
женщина, удалившая книги...	20
египетского студента осудили...	22
там, где...	23
моя мама была негром...	25
каждая девушка...	27
а дворник сказал...	29
когда я был маленьким...	30
Гу-Сы...	32
Простой приём	34
– останков на дороге не увидите...	36
максимально укороченные...	38
однажды я представил...	39
отпусти меня и я к тебе вернусь...	40
невесёлая Ольга...	42
не среагировал...	43

– слишком много...	44
патриарх...	45
в окошке...	46
Константин...	47
я пьян и одинок...	48
не по тяжёлому...	49
приставал...	50
учёные в шоке!..	51
я дауншифтер...	52
...и розовыми фламинго...	54
обидные кличи...	55
с тюльпанами у замка...	56
объявлен длинный список миражей...	57
утром в палатку...	58
для ног...	59
выйдешь из здания...	60
нахожу в меню колено...	61
Том Йорк...	62
мы не можем сохранить...	63
долгое время...	64
позвонили...	66
гугл отказался переводить...	67
отключили свет...	68
– только белые люди...	69
брандмауэр Лёша...	70
цивильно и уютно...	71
куда б не вывела кривая...	72
некоторые люди...	73

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Л 51

Л 51 ШВАБАУЭР Алексей

Небесные носороги: стихи. –
Самара, 2017 – 76 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Алексей Швабауэр (автор, составление)

Виталий Лехциер (составление)

Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

ISBN 978-5-906077-04-2

Подписано в печать 30.01.2017

Формат 60x90/16. Объём 2,5 печ. л.

Гарнитура Minion. Бумага мелованная

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»

443070 Самара, ул. Песчаная, 1

тел. (846) 267 36 83, e-mail: izdatkniga@yandex.ru